

Царевичъ.

Былъ у одного царя единственный сынъ. Случилась въ сосѣднемъ царствѣ война, и пошелъ на войну царевичъ. Отецъ снарядилъ его прекрасно, какъ прилично царскому сыну: всего далъ ему вволю. Въ дорогѣ пришлось царевичу ѣхать по морю. Вдругъ поднялся вѣтеръ, взволновалось море, и его корабль разбился о камни. Все потонуло у царевича, и онъ остался одинъ-одинешенекъ.

— Эхъ, какое несчастье, говоритъ царевичъ, — куда ни глянь — земли не видно: сиди на камнѣ или прыгай въ воду.

Такъ жаловался царевичъ; и сталъ онъ искать хоть какой-нибудь тропинки на этомъ каменномъ островѣ и, наконецъ, нашелъ ее на самомъ берегу. Со слезами пошелъ онъ по ней и наткнулся на дверь въ камнѣ. Черезъ эту дверь вошелъ царевичъ въ камень и нашелъ тамъ старика съ бѣлой бородой до пояса. Спрашиваетъ царевича старикъ:

— Какъ ты, добрый человѣкъ, попалъ на этотъ каменный островъ?

Царевичъ разсказалъ ему, какъ онъ отправился на войну, какъ разбился его корабль и, наконецъ, сказалъ:

— Я теперь прошу тебя, какъ родного отца, доставить меня, если можешь, куда-нибудь на сушу.

Но старецъ потрясъ сѣдой головой и сказалъ:

— Не могу, братецъ: я о сушѣ ничего не слышалъ, не только не видѣлъ; но у меня есть старшій братъ и мнѣ подчинено шесть стай орловъ, которые и отнесутъ тебя къ моему брату. Если онъ тебѣ не поможетъ — ну, такъ я не знаю, что дѣлать. А вотъ и письмо тебѣ, чтобы братъ зналъ, что ты былъ у меня.

Потомъ старецъ досталъ изъ-за пазухи серебряный свистокъ и засвисталъ. Поднялся шумъ, словно подулъ вѣтеръ, и прилетѣло шесть стай орловъ. Старикъ сказалъ имъ, зачѣмъ онъ ихъ позовалъ, и орлы, узнавши, въ чемъ дѣло, подхватили царевича и черезъ море перенесли его на другой каменный островъ. На этомъ островѣ было жилище старшаго брата, а самъ онъ былъ старикъ съ бѣлой бородой до пояса и сѣдыми волосами до плечъ. Царевичъ сейчасъ подаль ему письмо брата, а онъ, прочитавши письмо, говоритъ царевичу:

— Эхъ, братецъ, я самъ иду на войну и поэтому ничего тебѣ не могу сказать, пока не вернусь. Ты подожди меня здѣсь, въ моемъ домѣ, и ничего не бойся; если ты проголодаешься, такъ кушанья и напитки сами явятся передъ тобой. Вотъ тебѣ ключи отъ девяти комнатъ; всѣ ты можешь отворять, но девятой не смѣй. Отворишь девятую дверь, — покаешься, не отворишь — тоже покаешься.

Ушелъ старикъ на войну, а царевичъ остался одинъ. Все у него было: захочетъ обѣдать — обѣдъ уже передъ нимъ; захочетъ ужинать — ужинъ уже стоитъ готовый. И никого не видитъ царевичъ, кто ему приносить обѣдъ и ужинъ. Проходилъ день за днемъ, а онъ все одинъ да одинъ. Налоѣло, наконецъ, царевичу быть одному и ходить по всѣмъ восьми комнатамъ, и сталъ онъ думать, что бы такое могло быть въ девятой комнатѣ, о которой ему старикъ сказалъ: «отворишь — покаешься и не отворишь — покаешься. Да что тутъ думать, была не была», — подумалъ царевичъ и отворилъ девятую комнату.

Отворилъ царевичъ девятую комнату и видитъ тамъ прекрасный лугъ, а на лугу золотые цвѣты и одна золотая роза. Подъ розой голубое озеро. Разбѣжались глаза у царевича; смотреть онъ туда, сюда и видитъ онъ слѣды: будто кто къ озеру ходитъ. Удивительнымъ все это ему показалось; спрятался онъ въ розовый кустъ, думая посмотрѣть, кто это къ озеру ходитъ. Немного прошло времени, вдругъ что-то зашумѣло, и прилетѣли двѣ голубки и обратились въ двѣ такихъ прекрасныхъ дѣвушки, что глаза на нихъ не могли насмотрѣться.

Какъ только увидѣлъ ихъ царевичъ, сейчасъ выскочилъ изъ розоваго куста, схватилъ перья одной голубки-дѣвушки и спряталъ за пазуху. Вышли изъ озера обѣ дѣвушки, накупавшись

волю; одна тотчасъ превратилась въ голубку и улетѣла, а другая осталась и говоритъ:

— Я твоя до смерти.

Такъ и стали они жить вдвоемъ остальное время. Царевичъ носилъ перья за пазухой и никогда не разставался съ ними. Разъ только вышелъ царевичъ изъ дому и забылъ перья. Только что онъ вспомнилъ и вернулся назадъ, чтобы взять перья, анъ перьевъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ сидитъ голубка и говоритъ:

— Если ты найдешь стеклянный городъ, то найдешь и меня.

Сказала голубка это и улетѣла.

Горюетъ царевичъ о ней, а тутъ старикъ вернулся и говоритъ:

— Развѣ я не запретилъ тебѣ отворять девятую дверь?

Отвѣчаетъ ему царевичъ:

— Отецъ ты мой, родной мой! Не слышалъ ли ты или не видѣлъ гдѣ-нибудь стекляннаго города?

Потрясъ старикъ сѣдыми волосами и бѣлой бородой и говоритъ:

— Дитяtko, никогда я не слышалъ и не видѣлъ сухой земли; все время живу я на морѣ. Но мнѣ подвластны шесть стай орловъ и спрошу я у нихъ, не слышалъ ли кто изъ нихъ о сушѣ.

Вынулъ старикъ изъ-за пазухи золотой свистокъ и засвисталъ. Только что онъ засвисталъ, поднялся шумъ, словно вѣтры подули, и прилетѣло шесть стай орловъ. Сталъ ихъ старикъ по по-

рядку спрашивать, не былъ ли кто на сушѣ, а они отвѣчаютъ:

— Хозяинъ, никто изъ насъ не былъ.

Опять спрашиваетъ старикъ:

— Всѣ ли вы пришли? Не остался ли еще кто-нибудь?

Отвѣчаютъ орлы:

— Еще, хозяинъ, остался одинъ старый орелъ; не могъ онъ прилетѣть: отъ старости у него перья выпали.

— Ну, такъ ступайте и принесите его на себѣ, — сказалъ старикъ.

Улетѣли орлы и принесли стараго орла. Увидѣлъ его старикъ и говоритъ:

— Старичина, былъ ли ты когда-нибудь на сушѣ?

— Былъ, хозяинъ! — отвѣчаетъ старый орелъ. — Около стекляннаго города родила меня мать.

Очень понравилось это старику и онъ сказалъ:

— Старичокъ ты мой! Вотъ этого царевича надо перенести на сушу: какъ бы это сдѣлать?

— Ничего, — отвѣчаетъ орелъ, — я теперь и старъ и слабъ, но корми меня цѣлый мѣсяцъ, я помолодѣю и опять у меня вырастутъ крылья.

Согласился хозяинъ и кормилъ орла цѣлый мѣсяцъ, а какъ прошелъ мѣсяцъ, отросли у орла крылья. Взвился орелъ подъ облака и, вернувшись назадъ, говоритъ хозяину.

— Еще прокорми меня пятнадцать дней, чтобъ могъ я летѣть и день и ночь.

Прокормилъ старикъ орла еще пятнадцать дней, а орелъ говоритъ царевичу:

— Ну, теперь довольно; садись на меня, но возьми на прокормъ мнѣ трехъ барановъ и три мѣха воды. Какъ только я оглянусь направо — давай мнѣ мяса; оглянусь налево — давай воды.

Сѣлъ царевичъ на орла, а онъ расправилъ крылья и взвился подъ небо. Такъ летѣли они девять дней и девять ночей. Подлетали они уже къ землѣ. Оглянулся орелъ, чтобы сѣсть мяса, а у царевича мяса нѣтъ. Что дѣлать? Отрѣзалъ царевичъ икру отъ своей ноги, чтобы своимъ мясомъ накормить орла. Узналъ орелъ, что это мясо царевича, не захотѣлъ ѣсть и спряталъ его подъ языкъ. Донесъ орелъ царевича до земли, спустился на долину, а царевичъ слѣзъ на траву и идти не можетъ. Спрашиваетъ у него орелъ:

— Что же ты не идешь? Вѣдь я принесъ тебя на сушу?

Царевичъ рассказалъ ему, что случилось, а орелъ досталъ изъ-подъ языка его мясо, приложилъ къ ранѣ, нашелъ какую-то траву и помазалъ ею рану. Царевичъ сейчасъ же выздоровѣлъ и вскочилъ какъ олень. Орелъ опять взялъ его и принесъ въ стеклянный городъ. Тутъ онъ нашелъ свою невѣсту: она его встрѣтила съ радостью и повѣнчалась съ нимъ. И жили они долго, весело и хорошо.
